

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Жизнь человеческая неотделима от эпохи, в которой она протекает, формируется и трансформируется. А если она искажается или замалчивается вовсе в угоду политическим и идеологическим соображениям, то это приводит к искажению всей эпохи.

Но свершается переворот, мирный или революционный — неважно, и открываются архивы и спецхраны, пусть даже частично, как нынче. Появляется возможность познавать прошлое в его историческом правдоподобии. Узнавая правду о людях, имена которых для большинства в нашей стране звучат впервые, мы начинаем лучше понимать их мировоззрение, логику и оправданность (или неоправданность) их поступков, их ошибки и преступления, их благородство и жертвенность, природу их бессилия, причины их гибели и забвения. И это становится доступно нашему пониманию и осмыслению.

Именно такую цель преследуют собранные вместе историко-биографические очерки и публицистические статьи. Они родились на основе документов, хранящихся в фондах ГАРФа, РГАСПИ, РГАЛИ (Москва), ГАНО (Нижний Новгород), в архивах Санкт-Петербурга, в Национальном архиве Чехии, в фондах Славянской библиотеки (Прага), на основе книг и периодической печати и, наконец, личных архивов потомков эмигрантов и тех, что остались в России после Октябрьского переворота.

Очерки и статьи расположены в сборнике в условно-хронологическом порядке:

Петр Кропоткин, Орест Веймар, Михаил Ребиндер. — История архивного поиска. (1870–1885 годы);

Непопулярная эмиграция. (Публицистическая статья. 1919–1945 гг.);

Последние иллюзии. Административный центр Внепартийного объединения. (Историческая публицистика. 1919–1921 гг.);

«Если любишь Россию...». — Очерк о Е. Е. Лазареве, прожившем долгую и насыщенную событиями жизнь, вместившую

- в себя основные вехи общественно-политической истории нашей страны. (1855–1937);
- Осмысление судьбы.** Историко-биографический очерк о «бабушке русской революции» народнице Е. К. Брешко-Брешковской (1844–1934);
- В. Г. Архангельский — богослов, учитель, эсер.** Биографический очерк. (1849–1948);
- Борис Савинков. Террор как трагедия.** — Очерк о революционере и писателе с противоречивой судьбой. (1879–1925 гг.);
- Встречи на перекрестках.** (История архивного поиска). Рассказ о художнике-эмигранте Иване Калюжном, его жене-политкаторжанке и о их сыне — писателе Вадиме Фролове (1882–1994 гг.);
- «Письмо отца» в свете последующих событий.** — По переписке народовольца и политкаторжанина В. И. Сухомлина с сыном-эмигрантом В. В. Сухомлиным. (Публикация и комментарий к ней. 1926–1938 гг.);
- По убеждению и страсти.** Биографический очерк: Альфред Бем — литературный критик и общественный деятель. (1886–1945 гг.);
- Две ошибки историка Кутузова.** (Историческая публицистика. 1917–1938 гг.);
- Произволу вопреки.** — Публицистический очерк об Обществе помощи политическим заключенным в СССР, возглавляемом Е. П. Пешковой. (1918–1938 гг.)

Автор очерков и составитель сборника, член Российского Союза писателей Е. И. Фролова выражает глубокую благодарность работникам выше упомянутых архивов, а также литературоведам и историкам О. М. Малевичу, Г. С. Кану, Милуше Бубениковой, Гали Малаховой-Вална, Анастасии Копришиевой — за неоценимую и бескорыстную помощь.

**ПЕТР КРОПОТКИН, ОРЕСТ ВЕЙМАР,
МИХАИЛ РЕБИНДЕР**
История архивного поиска

Всё начиналось весьма типично для конца 70-х годов теперь уже минувшего столетия. Не получив доступа ни к архивным материалам, ни к книгам, находящимся в спецхранах, я и мой муж и соавтор Владимир Фролов вынуждены были отказаться от идеи создания романа об эсерах. А поскольку неискаженная большевистской идеологией история революционного движения в России продолжала волновать, то мы обратились к временам более ранним. К возникновению первых народнических кружков и «хождению в народ», которое, как известно, закончилось «Процессом 193-х».

Так появилась на свет историческая повесть «Вечная Кара», журнальный вариант которой опубликован в № 6 «Невы» за 2002 год. Повествование начинается с легендарного побега Петра Алексеевича Кропоткина из тюремного отделения Николаевского госпиталя. И рассказывает о человеке, который этот самый побег организовал и самолично осуществил — о докторе Оресте Эдуардовиче Веймаре.

Поэтому всё, ниже изложенное, относится не столько к П. А. Кропоткину, как теоретику анархо-коммунизма, а к более раннему периоду его жизни, когда Петр Алексеевич был народником, членом кружка, которым руководил Н. В. Чайковский, и в качестве такового — составил своеобразную программу действий российских социалистов. «Должны ли мы заняться распространением идеала будущего строя?» — за этим, несколько расплывчатым и не призывающим к прямому действию, заглавием, следовало четко обоснованное утверждение о непригодности существующих в России форм государственного устройства. Охранная когорта Империи, еще не пришедшая в себя после каракозовского, нечаевского и других огорчительных дел, содрогнулась. И автор возмутительного труда вскоре оказался в каземате Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, как и большая группа его единомышленников. За прошедшие

с начала арестов три года среди содержащихся в разных тюрьмах народников были сошедшие с ума, умершие от чахотки, заболевшие цингой. Угрожающие признаки цинги, или как в то время говорили, скорбута появились и у Кропоткина.

Чтобы организовать его побег, «чайковцы» обратились к близкому знакомому Петра Алексеевича, популярному в Петербурге врачу-ортопеду Оресту Веймару. Почему именно к нему? Ведь еще впереди была Русско-турецкая война, на которой доктор Веймар проявил чудеса героизма и личной отваги и был награжден за короткий срок тремя орденами «с мечами» и орденом Красного Креста. А тут, вероятно, сыграл свою роль сам характер этого сильного и бесстрашного человека, бесконечно доброго и сказочно бескорыстного. В одном из своих писем он признавался в том, что всегда испытывал неловкость, когда ему платили за его врачебную помощь. Людей малоимущих он не только лечил бесплатно, но и на свои деньги покупал для них лекарства. Лечил же он, в основном, детей.

В осуществлении побега князя Кропоткина он действовал смело, решительно и находчиво. Подтверждение этому мы находим в целом ряде воспоминаний: М. П. Лешерн фон-Герцфельд, («Былое» № 17, 1921 г.), А. И. Иванчин-Писарев («Былое» № 1, 1907 г.), «Записки революционера» самого П. А. Кропоткина. Но самые любопытные подробности находятся в материалах следствия по делу дерзкого побега 30 июля 1876 года. Дело осталось нераскрытым, отыгрались в основном на служителях Николаевского госпиталя, на начальнике охраны да на часовых, проворонивших важного арестанта. Слухи же ходили самые неправдоподобные: вроде того, что Кропоткина увез Великий князь Николай Николаевич. В качестве доказательства этой версии указывали на сходство человека, сидевшего рядом с беглецом в пролетке, запряженной неправдоподобно быстрым вороным рысаком: мол, светлыми баками и статной фигурой очень напоминает Великого князя. Тем более, что Николай Николаевич навещал своего бывшего однокашника по Кадетскому корпусу в тюрьме Петропавловской крепости и вроде бы пытался убедить его оставить противоправительственную деятельность и заняться наукой... Не убедил.

Совершив побег, П. А. Кропоткин, через несколько дней, с паспортом бывшего студента Александра Левашева покинул пределы Российской империи и вернулся на Родину лишь летом 1917 года.

О легендарном побеге вспомнили три года спустя в связи с арестом доктора Веймара после покушения социалиста Александра Соловьева на Государя императора 2 апреля на Дворцовой площади. У террориста был отобран большой, как его называли — «медвежий» револьвер, который был задолго до покушения куплен

Орестом Веймаром в Центральном депо оружия. Его владелец Венниг арендовал помещение в первом этаже дома № 10 по Невскому проспекту. Дом принадлежал Веймару. Куплен же револьвер был вовсе не для террористического акта, а по просьбе А. Д. Михайлова и Н. А. Морозова — для освобождения осужденных в каторгу народников Мышкина, Ковалика и Рогачева. [1]

Освобождение не удалось, а револьвер так и остался у членов Общества «Земля и Воля», к которому Орест Эдуардович вовсе и не принадлежал. О покушении на Государя он узнал от своего младшего брата Эдуарда, который оказывал медицинскую помощь принявшему яд террористу в полицейском Управлении. Тем не менее, в ту же ночь на 3 апреля 1879 года Ореста Веймара арестовали.

Следствие по его делу не было закончено и после казни А. Соловьева. Потому что надворному советнику Веймару инкриминировали еще и соучастие в убийстве шефа жандармов Мезенцова 4 августа 1878 года. В связи с расследованием этого дела уже были арестованы не только многие землевольцы, был арестован и разысканный агентами Третьего отделения быстроногий рысак Варвар, который умчал с Михайловской площади Сергея Кравчинского и его соучастников.

Однако, со всей убедительностью доказать, что именно этот вороной конь принадлежал доктору Веймару, так и не удалось. Свидетели давали самые противоречивые и нечеткие показания. Отрекся от «криминального» коня и сам Веймар, и конюх Алексей Куликов, служивший у него в то время, когда рысак был куплен. Тогда-то и было извлечено на свет старое, так до конца и не раскрытое, дело о бегстве князя Кропоткина из тюремного отделения Николаевско-го госпиталя.

Но и оно ничего не добавило. Следователь судебной палаты по особо важным делам И. Ф. Книрим дотошно изучал материалы старых дознаний, но так и не нашел доказательств, на которые могло бы опереться обвинение. А доктор Веймар, вовсе не желая облегчать следствию задачу, ни в чем не признается. И, как человек порядочный и верный, не собирается выдавать своих знакомых — членов «Земли и Воли», которым и раньше содействовал в силу своих убеждений и в меру своих возможностей. Когда Герман Лопатин помог Петру Лаврову бежать из ссылки, то именно по паспорту Ореста Веймара он сумел вывезти беглеца за пределы Российской империи. [2] Кроме того, в ортопедической лечебнице доктора какое-то время хранилось оборудование подпольной типографии, а в его доме находили приют скрывающиеся от полиции публицист Дмитрий Клеменц и оправданная судом Вера Засулич, социалистам Веймар отдал и своего замечательного рысака Варвара и,

наконец, купил этот самый злосчастный револьвер, который попал потом в руки террориста Соловьева.

То есть кое-какие грешки за respectable доктором водились, но далеко не таковы они были, чтобы на них строить серьезное обвинение. Вот если бы удалось доказать его причастность к побегу князя Кропоткина... Однако, честный и добросовестный следователь Книрим (в отличие от наших энкаведешных творцов фальсифицированных дел) не позволил себе использовать то, чего не смог доказать. И материалы следствия о побеге князя Кропоткина к делу Ореста Веймара не приобщил. Потому-то совсем необидительно выглядит обвинение доктора в том, что он был соучастником покушения на Государя и убийства шефа жандармов. Тем более, что арестованный вскоре после прибытия из-за границы Герман Лопатин на очной ставке с Веймаром заявил, что ни о каком револьвере знать не знает, что было истинной правдой. Кроме того, он попытался, во вред самому себе, отвести от своего давнего друга и второе обвинение: «4 августа 78-го года я был не в Париже, как показывал ранее, а в Петербурге. Я провел это самое утро и весь день в обществе доктора Веймара, он понятия не имел ни о чем происшедшем (т. е. об убийстве Мезенцова. Е. Ф.). Вы обвиняете невинного!», — заявил Лопатин Н. К. Шмидту, в то время управляющему Третьим отделением. [3]

Но прокурор судебной палаты не счел нужным приобщить к делу Веймара это свидетельство. Г. А. Лопатина вскоре отправили в далекую азиатскую ссылку. О судьбе его заявления станет известно лишь спустя 27 лет. Когда Герман Александрович будет освобожден из шлиссельбургского заточения, его короткое сообщение «К осуждению доктора Веймара» опубликует журнал «Былое».

* * *

В дополнительном дознании возникает еще один персонаж — Михаил Павлович Ребиндер. Подследственному доктору предъявляют в числе других две фотографии. На одной изображен Петр Кропоткин, на другой — он же с Михаилом Ребиндером. Что же отвечает, глядя на них, доктор Веймар?

«Фамилию князя Кропоткина я слышал и, как думаю, от своего знакомого, бывшего студента Университета Михаила Павловича Ребиндера, мужа Виктории Ивановны Ребиндер, живущей ныне у меня в лечебнице. (...) О побеге какого-то князя Кропоткина летом 1876 года (...) я слышал, как теперь припоминаю, от отца моего на его даче в середине того же лета. Эти сведения он почерпнул из газеты «Новое время» (...). Но одно ли то же лицо был князь Кропоткин, знакомый Ребиндера, и бежавший в 76-м году из госпиталя — я не знаю. Ребиндер сам

мне об этом ничего не говорил, хотя я видел его в это лето и последний раз осенью (...) — перед его отъездом в Америку (...) Ребиндер изображен (...) с личностью, которая мне незнакома.. Так же мне неизвестны причины, побудившие его уехать в Америку». [4]

Точно так же Орест Эдуардович «не признает» на снимках Софью Лаврову и Людмилу Павлинову — своячениц Петра Кропоткина, которые были в числе организаторов побега.

Материалы следствия поступили к губернатору Петербурга генералу Гурко. В сопроводительной записке есть такая вот фраза: «Михаил Ребиндер, бывший землевладелец Новгородской губ., скрывшийся, по словам Веймара, в Америку осенью 76-го года, был с ним настолько в дружеских отношениях, что жена Ребиндера с детьми с лета того же 76-го года проживает в квартире Ореста Веймара. Муж ее, между тем, снят на общей фотографической карточке с князем Кропоткиным (...), что и дает основание к заключению об участии Веймара, как приятеля Ребиндера, в побеге князя Кропоткина». [5]

Это невинное предположение никак не убедило храброго генерала в виновности человека, известного ему по Балканскому походу с самой лучшей стороны. И, находя сведения о нем недостаточными, Гурко направляет дело обратно прокурору судебной палаты «для дополнения».

Однако, свои прежние показания доктор Веймар подтвердил и на следующем (третьем по счету!) дознании, которое проводил отдельного корпуса жандармов майор Никольский в присутствии на некоторых допросах исполняющего должность прокурора судебной палаты В. К. фон Плеве.

О своем исчезнувшем муже следствию рассказала, правда, весьма скупой, Виктория Ивановна Ребиндер. По ряду мемуарных свидетельств и по письмам доктора Веймара судя, она была его гражданской женой, он же до своего осуждения оставался опекуном двух ее сыновей.

Итак, показания В. И. Ребиндер. «Муж мой Ребиндер состоял в Университете на должности консерватора при минералогическом кабинете и держал экзамены на магистра, но его (т. е. Университет. Е. Ф.) не кончил, — говорит Виктория Ивановна. — Он всегда мечтал о переселении в Америку и осуществил свою мечту после неудачного приобретения имения, которое было продано за долги с аукционного торга. Сергеева, от которой я узнала, что мой муж уехал в Америку, моя дальняя родственница, которую посещал мой муж, когда я от него уехала, и с которой он переписывался. Сергеева (...) в настоящее время находится гувернанткой вне Петербурга. Где — я не знаю». [6]

Чем же интересен этот не разысканный свидетель отринутого Веймаром знакомства с Петром Кропоткиным? А тем, что был ярким представителем поколения тогдашних молодых интеллигентов, которые, по словам Глеба Успенского, «заболели» совестью и сочувствием к народу. Некоторые наши нынешние и, к сожалению, весьма поверхностные исторические сочинители, освещающие этот период, ориентируются, в основном, на концепцию «Бесов» Ф. М. Достоевского, не задумываясь над тем, что великий писатель написал по сути дела злободневный памфлет. Гениальный и провидческий, но все же памфлет. И вовсе не о народниках, а под впечатлением дела Сергея Нечаева, которому никак не сочувствовали ни члены «Земли и Воли», ни народовольцы.

Михаил Павлович Ребиндер под влиянием народнических идей, а возможно, и под влиянием самого Кропоткина, решил слиться с простым людом и жить трудами рук своих. Он купил заброшенное имение Лядно и задумал вместе с тамошними крестьянами основать товарищество по осушению болотистых земель. Но все его прекраснодушные планы — увы! не осуществились. Об этом очень ярко написал Глеб Успенский в своих очерках «Чудак-барин» и «Лядины», где прототипом героя как раз и послужил наивный, непрактичный, не знающий крестьянской жизни и крестьянской психологии, Михаил Ребиндер. Свидетельство тому мы находим не только в Примечаниях к произведениям Глеба Ивановича, но и в воспоминаниях его младшего брата Ивана Ивановича [7] и его родственника Льва Карловича Чермака [8]. А так же — в недавно прочитанных мною письмах Анны Михайловны Сергеевой, упомянутой в показаниях Виктории Ивановны Ребиндер.

Ценная информация появилась, как это нередко бывает, вполне случайно. При собирании материала для исторической повести «Вечная Кара» я работала в архиве Пушкинского Дома и совершенно неожиданно в картотеке Б. Л. Модзалевского обнаружила карточку Ребиндера Михаила Павловича. До этого момента он был лишь одним из фигурантов следственного дела О. Э. Веймара. Из карточки явствовало, что «чудак-барин» действительно перебрался в Северную Америку и обосновался во Флориде, что у него там были дети, матерью которых и была родственница Модзалевских — Анна Михайловна Сергеева. Это ее письма родственникам в Россию хранятся в Пушкинском Доме (фонд Б. Л. Модзалевского).

Судя по всему, Михаил Павлович Ребиндер все те годы, что он прожил в эмиграции (он умер в 1918 году), панически боялся разоблачения своего двоеженства, поэтому начисто вычеркнул из своей жизни Викторию Ивановну и двух своих оставшихся в Рос-

сии сыновей. О том, как он жил после того, как покинул Россию, можно узнать только от Анны Михайловны. Так, в одном из первых писем она сообщает о том, что Михаил Павлович совершенно переменялся после того, как она видела его — несчастного и опустившегося, в Париже. Во Флориде он занялся выращиванием цитрусовых и в этом преуспел. На плантации ему помогали подрастающие дети. Большого богатства Михаил Павлович не нажил, но и не бедствовал. Что же касается Анны Михайловны, то она основала русскую школу в городке Женева, там где семья жила. До Первой мировой войны Анна Михайловна получала от родственников из России небольшие деньги — доход от наследства, и это тоже помогало безбедно жить в эмиграции и дать детям хорошее образование.

Во Флориде, в городке Женева, и сейчас живут потомки Ребиндеров, и даже существует небольшой музей, посвященный этому интересному семейству, с которым установили связь московские Ребиндеры. Дело в том, что Михаил Павлович и Виктория Ивановна — это дед и бабушка нашего известного академика Петра Александровича Ребиндера, столетие со дня рождения которого отмечалось несколько лет назад по линии ЮНЕСКО.

Неоценимую помощь в поисках необходимых материалов, и в частности — писем Анны Михайловны Сергеевой, оказал внук известного нашего литературоведа Бориса Львовича Модзалевского военный инженер Николай Львович Модзалевский.

Архивные поиски, таким образом, раскрыли судьбы трех русских интеллигентов, одержимых страстью служить своему народу. Судьбы эти очень разные. Петр Кропоткин провел большую часть жизни в изгнании, а вернувшись в Россию после Февральской революции, жил под Москвой и до последних своих дней тщетно надеялся научить В. И. Ленина уму-разуму.

Орест Веймар, не состоявший ни в каком антиправительственном сообществе, был жестоко и неправомерно осужден Военным судом в каторгу и умер от чахотки на Каре в 1885 году — не отбыв до конца каторжного срока.

Михаил Ребиндер, не совершивший казалось бы ничего выдающегося, но на своем нелегком эмиграционном опыте постигший, наконец, науку работы на земле, о чем и мечтал в своей наивной юности.

Что их объединяет? Пожалуй, извечный, прекрасный и непреодолимый идеализм, святая вера в духовные и творческие силы народа, в его будущее. Чем, в общем-то, и ценна, как мне кажется, настоящая российская интеллигенция, очень тонкий и хрупкий пласт народа, его живая и чистая душа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) Подробно этот эпизод изложен Н. А. Морозовым. «Повести моей жизни», т. 2, с. 289–291, (М. 1962);
 - 2) Лопатин Герман Александрович (Пгр. 1922, с 10);
 - 3) «Былое», № 3 за 1907 г., с. 121;
 - 4) ГА РФ, ф. 102, 1879 г., д.206, л. 256;
 - 5) ГА РФ, ф. 112, ОППС, оп. 1, д.480, л.188-об;
 - 6) ЦГИА, ф. 1252, оп. 1, т. 1, д.4, с. с. 200 и 341;
 - 7) Сборник «Минувшее и пережитое», т. 2, с. 356 (Л. 1924);
 - 8) Там же, с. 452\\РО РГБ ф. 218, д. 31, картон 085.
-

*Опубликовано в сборнике «Петр Алексеевич Кропоткин», СПб, 2005, с. 44–51
Материалы Международной научной конференции*

НЕПОПУЛЯРНАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Прежде, чем говорить о нелегких судьбах представителей российской демократии, вынужденных после поражения в гражданской войне покинуть родину и нашедших приют в Чехословакии, следует сказать несколько слов о том, почему именно эту, недавно обретшую самостоятельность страну сделали они местом своего обитания в изгнании. Почему именно здесь оказались, в большинстве своем, пассажиры так называемых «философских» пароходов: насильно выдворенные из Совдепии в 1922 году ученые, профессора, писатели — яркие, талантливые, прозорливые и свободные в своих суждениях люди.

Почему, наконец, сюда после долгих мытарств устремились многие беглецы, попавшие ранее в Польшу, в Германию, в Финляндию, в Югославию, в страны Прибалтики. Даже из Парижа недоучившиеся студенты, недавние участники Белого движения, ехали в Прагу, ибо там были лучшие условия для продолжения их невольно прерванного образования.

Широко известна та большая роль, которую сыграл в осуществлении «Русской Акции» основатель и первый президент независимой Чехословакии Томаш Гарриг Масарик. Достаточно ознакомиться с его фундаментальным трудом «Европа и Россия», с другими его произведениями, чтобы убедиться в том — насколько близка была ему Россия и насколько небезразлична была ему судьба этой страны и ее народа, судьба российской культуры. И как упорно и последовательно стремился он и его единомышленники спасти, поддержать и сохранить хрупкие ростки российской демократии.

Это проявилось уже в начальный период гражданской войны, когда после разгона Учредительного собрания его ошельмованные и преследуемые большевиками депутаты стали собираться на Волге в Самаре с тем, чтобы противопоставить незаконной власти свою — законную, всенародно избранную.

Свою роль сыграл и случившийся весной 1918 года челябинский конфликт между солдатами Чехословацкого легиона и пробольшевистски настроенными немецкими военнопленными. После чего последовал приказ Льва Троцкого о разоружении Легиона. Не подчинившиеся этому приказу легионеры захватили Пензу. После переговоров с приехавшими к ним из Самары представителями депутатов Учредительного собрания И. М. Брушви́том и П. Д. Климушкиным они двинулись к Самаре и 6-го июня 1918 года освободили город от большевистского правления. 8 июня здесь была установлена демократическая власть Учредительного собрания (КОМУЧ) и создана Народная Армия.

1 августа президент Чехословакии Масарик издает приказ, гласящий о том, что части Легиона временно остаются в России. Они вместе с Народной армией принимали самое непосредственное участие во взятии Казани, в установлении демократического правления на Волге и на Урале.

Однако, деятели КОМУЧа, при всех своих самых благих намерениях и начинаниях, не имели необходимого государственного опыта и жесткой целеустремленности. Народная Армия была слаба, малочисленна, плохо организована и после первых побед стала терпеть поражение за поражением. Бывшие же военнопленные, составлявшие Чехословацкий Легион, напротив, отличались крепкой дисциплиной и боевым опытом первых лет Мировой войны. Но... не будучи слишком уж заинтересованы в борьбе за чужую свободу и к тому же — уставшие от длительной войны, они естественно стремились поскорее попасть на родину.

И все-таки, смею утверждать, что объективно, одним своим присутствием чехи оказывали положительное влияние на развитие событий и этим спасли немало жизней. Я имею в виду ту часть демократически настроенных деятелей российской политики (в основном — эсеров), которые выбрали в гражданском противостоянии так называемый «третий путь». Путь между двумя большевизмами, как определил его в статье, написанной по горячим следам в 1919 году в Париже, А. А. Аргунов, член избранной в Уфе и недолго просуществовавшей Директории.

Арестованные после переворота 18 ноября 1918 года Омским правительством и затем по настоянию Чехосовета выпущенные из тюрем члены ликвидированной колчаковским правительством Директории Н. Д. Авксентьев, В. М. Зензинов, А. А. Аргунов и некоторые другие смогли через Харбин беспрепятственно покинуть Россию.

Захватив транссибирскую магистраль, Чехословацкий Легион установил контроль на всем ее протяжении — до Владивостока. В ряде

городов Урала и Сибири сочувствующие демократии чехи и словаки, как граждане свободного государства, старались помогать бывшим членам Учредительного собрания и другим сторонникам народовластия, которых особенно преследовали — слева большевики, справа — реакционная диктатура Омска.

Так в эшелоне Чешского Легиона спаслась от расправы омской атаманщины Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Под охраной легионеров она благополучно доехала до Владивостока, а оттуда приплыла в Америку, где ей была устроена торжественная встреча. Но «Бабушка русской революции» не осталась в Соединенных Штатах. Она приехала в Прагу, а затем, поселившись в Карпатской Руси, основала там школы-интернаты для мальчиков и девочек. Имея большой авторитет и хорошие связи со многими деятелями США и членами правительства Чехословакии, она всячески материально помогала учащимся русских гимназий в Праге, русским студентам, многим беженцам и целым семьям.

В 1919 году нелегально, с документами чешского легионера покинул Екатеринбург, где уже хозяйничали колчаковцы, старый социалист Егор Егорович Лазарев. Почти месяц он провел во Владивостоке, где в то время было странное «междоцарствие». На острове Русском он встретился со своими, чудом избежавшими расправы, единомышленниками И. М. Брушвитом и П. Д. Климушкиным. И вместе с ними, опять же через США, прибыл в дружественную Чехословакию, где стал издателем газеты, позже журнала «Воля России». Так же вместе с чехами добрался до Владивостока и затем прибыл в Париж ветеран эсеровской партии О. С. Минор. Спаслись и многие другие.

Несколько слов об отношении Чехосовета и командования Чехословацкого корпуса к Омской диктатуре во главе с А. В. Колчаком. Увидев, что прославленный в свое время адмирал и полярный исследователь оказался, к сожалению, неопытным и слабым политиком, а правительство было не в состоянии унять разгул черносотенной реакции и прекратить бесчинства атаманщины, чехи поняли: надежды на установление хотя бы подобия порядка и демократии в Сибири не оправдались.

А между тем, крестьянские восстания, партизанщина, удары частей Красной армии уже гнали омских правителей дальше — на восток. И представители Чехословакии поддержали коалиционный Политцентр, в который кроме большевиков входили эсеры, меньшевики и народные социалисты. Власть Верховного правителя была свергнута.

Тут невольно возникает один, до сих пор не вполне проясненный вопрос о судьбе золотого запаса царской казны, захваченного при взятии Казани частями Народной Армии и попавшего

затем в руки Омского правительства. Много разнотолков, домыслов и вымыслов гуляет по нашим (и не только нашим) историческим публикациям. В частности, о том, что золото это якобы было присвоено «белочехами» (такой нелогичный термин долго и упорно держался в советской исторической науке), и что на эти деньги они, дескать, и содержали многочисленных русских эмигрантов-демократов. Попробуем внести некоторую ясность.

В 1930 году в Праге вышел сборник «Гражданская война на Волге», в первом томе которого история золотого запаса раскрывается непосредственными участниками событий. А теперь, уже в наше время, к этой запутанной и в прошлом, мягко говоря, тенденциозно представляемой советскими историками теме обратились исследователи, вооруженные открывшимися архивными документами. В фундаментальном труде О. В. Будницкого («Диаспора» № 4 и 5), в автореферате И. В. Берсневой, в работах В. И. Шишкина, В. Е. Шамбурова, Михаила Магида, в ряде других источников, в том числе и в интернете, мы находим убедительные подтверждения факта передачи большевикам отобранного у свергнутого Омского правительства золотого запаса. Правда, несколько «похудевшего» за время транспортировки, ибо разворовывали бывшую царскую казну многие из тех, кто с ней соприкасался.

Чехословацкий легион охранял вывезенный из Казани золотой запас на всем протяжении транссибирской магистрали. Когда же «золотые» эшелоны оказались в руках Омского правительства, Колчак в марте и октябре 1919 года отправил четыре состава с золотом во Владивосток. При этом немалая часть драгоценного груза была в Чите присвоена атаманом Семеновым.

После падения Омской диктатуры Чехсовет за обещание предоставить Легиону паровозы для отъезда на родину отдал «Золотой запас» коалиционному Политцентру, который в свою очередь 18 марта 1920 года передал его коменданту эшелона большевику Косухину. А он 3 мая доставил золото и другие ценности обратно в Казань. И тут оказалось, что «клад» сильно усох: отступая из Омска в ноябре 1919 года, колчаковские воинские части вывезли золота на 414254 рублей, а чекист Косухин довез до Казани только на 409620 рублей. Кражи происходили на всем протяжении пути, начиная с Иркутска. Иными словами, «золотой запас» уменьшился на целых 27 пульмановских вагонов из 40, что были в конце сентября 1918 года отправлены из Самары. Только уж меньше всего в этом повинен был охранявший его Легион. Таковы факты.

Что же касается русских денег, положенных в Чехословацкий Легион-обанк, то стоит обратиться к свидетельству бывшего главы Партии эсеров В. М. Чернова. Оно содержится в сборнике «Русский исход» (СПб,

2004, статья И. А. Кукушкиной «Путь социалистов-революционеров в эмиграцию» стр. 91–92, и в личном архиве В. М. Чернова — ГАРФ, ф. 5847). В 1921 году, отвечая на явную клевету, появившуюся за подписью Ю. Стеклова в советской газете «Известия», В. М. Чернов в статье «Квалифицированный лжец» (см. газету «Революционная Россия» № 9) рассказывает об «ассигновании Самарским КОМУЧем средств, которые были приняты последними\т.е. чехами. — Е. Ф. \не как подачка/это слово подчеркнуто Черновым/, а заимобразно.\...\Налицо имеются все основания для признания этого долга и возврата его...», — утверждает автор статьи. То есть, возврата долга через Легиобанк — для финансовой поддержки демократических эмигрантских организаций. Подтверждение тому мы находим и в других источниках: в таких, как воспоминания П. Д. Климушкина и С. Н. Николаева, в книге С. П. Постникова «Русские в Праге» и ряде других.

* * *

Финансовая помощь оказавшимся в изгнании социалистам нужна была отнюдь не только для поддержки их личного, жизненного существования. Они отчаянно пытались продолжить борьбу с большевизмом. Так возникло Внепартийное объединение и его Административный центр с отделениями в Париже и в Праге. Конец 1920-го и начало 1921 годов надо считать самым действенным периодом недолгой жизни Объединения. Ибо доходящие из России сообщения о крестьянских волнениях, о забастовках в Петрограде и наконец, о мятеже в Кронштадте вселяли надежды на неизбежный и скорый крах власти Советов.

Созданный по инициативе А. Ф. Керенского Комитет вскоре был преобразован в Административный Центр, избранный на совещании в Праге 7–12 ноября 1920 г. Организация была задумана, как подсобная по отношению к основному демократическому движению в России и призванная помогать ему «людьми, техническими средствами и содействием будущей власти, влияя на события в духе нашей политической идеологии», — говорилось в Декларации Внепартийного объединения. Таким образом, планы действий составлялись основательно и с уверенной перспективой на будущее.

Определялась материальная сторона дела. Были использованы различные денежные средства. И прежде всего оказавшиеся за границей задолго до Октябрьского переворота деньги Временного правительства, ассигнованные на закупку для России необходимого продовольствия, товаров и на дипломатические нужды. Сюда вошел и фонд Исполкома Комитета членов. Учредительного собрания, средства Партии эсеров и Центросоюза кооператоров. Рассчитывали и на вклад в Легиобанке.

Особенную активность члены Административного центра проявили в дни Кронштадтского мятежа, готовясь всеми силами и средствами поддержать его: не только широкой информацией по радио на всю Европу, но и опытными людьми, продовольствием, вооружением. Почти уверены были в том, что возмущение против большевиков перекинется из Петербурга и Кронштадта на всю Россию.

Независимая Чехословакия в те дни демонстрировала горячее сочувствие Кронштадту — 15 марта в Праге состоялся русско-чешский митинг, посвященный поддержке восставших.

Но... события развивались слишком стремительно. Большевики оказались более жизнестойки и изворотливы, чем можно было предполагать. Кронштадтский мятеж был подавлен раньше, чем могла бы прийти помощь. «Мы были застигнуты врасплох, — признается позже В. М. Чернов, — мы были неподготовлены... Мы получили суровый, но заслуженный урок...»

Добавим от себя — не первый урок. Если проводить аналогию с событиями октября 1917 года и многими эпизодами гражданской войны, то нельзя не заметить весьма прискорбную закономерность: неумение сторонников народовластия во время предвидеть события, постоянное запаздывание, нерешительность и то, что называется «махание кулаками после драки». Как понимаем мы теперь — надежды демократической эмиграции на мятеж в Кронштадте и «раскачивание всей России против большевиков» — были явно иллюзорны. Но это понимаем **МЫ** и **ТЕПЕРЬ...**

* * *

В том, что общественность Чехословакии поддерживала правых эсеров, левых кадетов, народных социалистов в их противостоянии большевикам — нет ничего удивительного. Ибо в молодой республике царил дух демократии. Нет ничего удивительного и в том, что «крайние воинствующие монархисты» (такой был тогда термин), которые вольготно чувствовали себя во Франции или в Болгарии, здесь симпатией не пользовались. И все же, несмотря на большую избирательность чехословацкого МИДа при выдаче виз, состав беженцев из России был весьма разношерстным по своему прошлому, по убеждениям своим и пристрастиям. Особенно в начале 20-х годов, когда в страну потоком хлынула обозленная, обездоленная и разочарованная молодежь, успевшая хлебнуть горечь поражения Белой армии. Среди них-то и процветали весьма агрессивные монархические настроения. Но вскоре — частично в результате осознания собственной несостоятельности, а в основном из-за преследований со стороны чехословацкой полиции и роста авторитета демократи-

ческой общественности — монархические группы тут быстро увяли и прекратили свое существование.

В период постигшего советскую Россию голода в 1920—21 гг. нищие эмигранты-демократы отдавали последнее, чтобы помочь голодающей родине. 25 августа 1921 г., уже испытывая материальные затруднения, Административный центр принял решение выдать Комитету помощи голодающим из своих, сильно уменьшившихся к тому времени, средств — 2500 чешских крон. И это — не считая множества добровольных пожертвований и отчислений из кассы Пражского Земгора.

* * *

После неудавшейся попытки продолжить политическую борьбу и последующей ликвидации Внепартийного объединения, пражская эмиграция целиком обратилась к более насущному и реальному делу — помощи беженцам из России в организации их быта, в их трудоустройстве, в продолжении образования молодежи, в развитии науки, в сохранении и умножении традиций русской культуры. Открытие русских гимназий и Русского Народного университета, Юридического факультета, Института сельского хозяйства и кооперации, Института изучения России, Экономического кабинета, Археологического института им. Н. Д. Кондакова, создание библиотеки Земгора, Русского зарубежного исторического архива и Культурно-исторического музея в Збрацлаве, ставшее традиционным проведение Дней русской культуры и Пушкинских праздников — значение всего этого трудно переоценить. Русская эмиграция в Чехословакии только теперь, да и то очень робко, начинает раскрывать родной стране свою историю, судьбы людей, к ней причастных, и свою, к сожалению, далеко не полную культурную сокровищницу.

А дело в том, что об эмигрантах аристократического сословия, о деятелях Белого движения вспоминают у нас давно и охотно. Это стало своего рода уже несколько приевшейся модой. И она порой даже отдает, уж извините, таким холопским преклонением перед вернувшимся баринком. О пражских же изгнанниках говорить как-то не принято. Такая вот непопулярная эмиграция...

Этому, как мне думается, есть две причины. Начнем с того, что эмиграцию в Чехословакии составляла в основном интеллигенция. В политическом отношении — эсеры, которых было большинство, или народные социалисты. В эсерах партия большевиков издавна видела своих главных конкурентов в борьбе за политические преобразования в такой крестьянской стране, как Россия. Ведь

по Марксу, никак не крестьянство, а только и только пролетариат способен вершить революционные преобразования. Вспомним со студенческой скамьи навязшую в умах работу В. И. Ульянова «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов».. Эсеры марксистами не были, за что и подверглись грубой и, как мы это сейчас понимаем, слабо аргументированной критике. Но одной критики ленинцам было мало. С противниками надо не спорить, их надо уничтожать! — таков был выдвинутый с самого начала ленинский принцип.

Не издававшийся ранее в нашей стране писатель-эмигрант Роман Гуль в книге «Я унес Россию» излагает характерный в этом отношении рассказ лидера партии с.-р. В. М. Чернова: «Было это до войны, году так в 11-м в Швейцарии. Толковали мы с Лениным в ресторанчике за кружкой пива — я ему и говорю: —“Владимир Ильич, да приди вы к власти, вы на следующий день меньшевиков вешать станете!” А он поглядел на меня с такой монгольской хитринкой и говорит: “Первого меньшевика мы повесим после последнего эсера”, — прищурился и засмеялся».

Вспоминая этот полушутливый ресторанный разговор, Р. Гуль замечает: «Как это ни невероятно, но будада в ресторанчике через несколько лет превратилась в Архипелаг ГУЛАГ. Расстрелы эсеров (левых и правых) Ленин повел сам. А меньшевиков достреливал его “верный ученик” Сталин. И осталось от этих партий лишь историческое воспоминание и архивные материалы» (Роман Гуль «Я унес Россию», М. 2001. Т.1, с. 77)

Эти архивные материалы спустя много лет и приводят нас к истинной подоплеке физического уничтожения всех инакомыслящих, когда после Октябрьского переворота такая возможность у большевиков появилась.

Невольно возникает вопрос: — почему же прекраснодушные эсеры оказались столь недальновидны и беззащитны? Они — столь популярные после Февральской революции и набравшие подавляющее большинство голосов при выборах в Учредительное собрание? Может, как раз потому, что были прекраснодушными? Я не вкладываю иронии в это определение и могу упрекнуть их только в политической неопытности и, пожалуй, в отсутствии жестокости (если, конечно, отсутствие жестокости считать недостатком).

Живший в эмиграции эсер В. Г. Архангельский занес в свои воспоминания один любопытный разговор с А. Ф. Керенским, который часто приезжал из Парижа в Прагу. Так вот, когда речь зашла о насильственной коллективизации в советской России, бывший глава Временного правительства вдруг сказал о том, что Ленина следовало

расстрелять еще после репетиции Октябрьского переворота, т. е. после кровавых событий 3–5 июля 17-го года. Увы! — опасность политики большевистской партии была осознана слишком поздно...

Вторая причина непопулярности демократической эмиграции состоит в том, что потомки и апологеты тех эмигрантов, что наоборот, очень ныне популярны, по-прежнему продолжают считать разрушителями России всех без разбора либералов и социалистов. Можно подумать, что у нас всё еще продолжается гражданская война — между «Боже, царя храни...» и «Вставай, проклятем заклейменный...» ...Впрочем, как знать! — история развивается по спирали...

* * *

Русская эмиграция в Чехословакии прошла поистине «три круга ада». Я подробнее остановлюсь только на одном — на событиях победной весны 1945 года. Отечественная война Советского Союза против фашизма резко поменяла акценты в отношении эмигрантов-демократов к утраченной Родине. Позабыты (хотя бы на время) ошибки и преступления советской власти, отброшены старые обиды и счеты. Во весь рост встала одна общая боль, одна общая большая беда.

Русские эмигранты в Чехословакии и сами с 1939 года познали гнет и унижение режима немецкой оккупации (один из кругов ада). Чего стоила только регистрация с выдачей Удостоверений о нееврейском происхождении, что должны были подтвердить не только анкеты и документы, но и под присягой, два надежных свидетеля. А увольнение ряда профессоров Русского Народного университета и закрытие многих эмигрантских организаций, преследования Гестапо, нищета и безработица... Короче говоря, прихода Советской армии-избавительницы эмигранты ждали с понятным нетерпением. И вот этот день настал.

9 мая 1945 года Прага была очищена от фашистов. А через три дня... начались аресты эмигрантов. Нет, они (за ничтожным исключением) не сотрудничали с фашистами. Наоборот, — по мере возможностей помогали чешскому Сопротивлению, прятали подпольщиков, спасали евреев. А, кроме того, занимались своим делом: лечили, учили, изобретали, писали книги, не теряя надежды на то, что еще смогут быть нужными и полезными своей Родине. Только Родина — в лице органов СМЕРШ Первого Украинского фронта им не поверила.

Впрочем, основные списки подлежащих репрессиям эмигрантов, вероятно, были подготовлены заранее. Во-первых, с 1939 года проходили аресты в оккупированных Советским Союзом странах

Прибалтики, в западных районах Украины и Белоруссии. Во-вторых, в Чехословакии уже знали об арестованных и депортированных в Россию эмигрантах из Германии и Польши — по мере их освобождения от фашистской оккупации. Некоторые, особо осмотри-тельные в предвидении репрессий, покидали насиженные места. Но большинство, не видя за собой никакой вины, не хотело или же физически не могло это сделать.

Первым 11 мая 1945 года был арестован востоковед и дипломат Владимир Трифилович Рафальский. Он умер на следующий день — по непроверенным сведениям покончил с собой, выбросившись из окна во время допроса. Далее аресты покатались лавиной: в течение полутора месяцев были брошены в тюрьмы, а затем депортированы в СССР для предания суду Трибунала более четырехсот эмигрантов. Ни возраст, ни состояние здоровья, ни ученые степени и заслуги никакого значения не имели. Так же, как неважно было и то, что арестованные и затем осужденные Трибуналом являлись гражданами Чехословакии или имели международные, так называемые, Нансеновские паспорта.

Бывших членов прекратившей свое существование в 1939 году Трудовой Крестьянской партии преследовали особо. Руководитель ТКП Сергей Семенович Маслов был брошен гитлеровцами в концлагерь. Оттуда его, больного тифом, освободила Советская армия. Он приехал в Прагу. А далее, если верить очевидцам, его жена, боясь заразиться тифом, или из других соображений, позвонила в советскую комендатуру. Маслова увезли в санитарной машине, и после этого он бесследно исчез.

Сотрудник Мемориала историк Б. И. Зубарев дополнил мои сведения: «Из дел реабилитированных бывших эсеров, расстрелянных в “связи с террористической организацией ТКП” выясняется, что Маслов был привезен на Лубянку и там несколько лет интенсивно допрашивался по поводу своих связей. Сведений о его дальнейшей судьбе в архивах Мемориала нет. Но, учитывая личность Маслова, \... \сомнений в том, что он был расстрелян — не возникает». Кстати, видному нашему ученому, генетику Николаю Ивановичу Вавилову в числе других абсурдных обвинений приписывалось и руководство ТКП на территории России. Что же касается допросов С. С. Маслова «в течение нескольких лет», то у меня есть определенные сомнения, ибо наши «органы» широко использовали «свидетельства» умерших или ранее расстрелянных людей. Мне доводилось с этим сталкиваться. Запросы в Архив ФСБ и в Генеральную Прокуратуру РФ о судьбе С. С. Маслова остались без ответов.

Не менее загадочно исчезновение другого деятеля ТКП (до 1933 года) Альфреда Людвиговича Бема, ученого-литературоведа, руководителя «Скита поэтов» и специалиста по творчеству Достоевского. Бема увели из дома под каким-то пустячным предлогом, и больше его никто и никогда не видел. Весьма сомнительное свидетельство о его якобы самоубийстве содержится в книге воспоминаний пражского эмигранта Н. Е. Андреева, тоже, между прочим, арестованного, но после некоторых проволочек выпущенного на свободу. В его книге вообще, немало и других ошибок и неточностей, что вполне понятно, ибо эти «Воспоминания» писались, а вернее диктовались почти ослепшим старым человеком. Но все же тут мы находим поистине бесценные сведения о целом ряде эмигрантов, подвергшихся репрессиям победной весной 1945 года.

Например, о судьбе генерала Сергея Николаевича Войцеховского, участника Первой Мировой, а затем гражданской войны. С сентября 1917 года он занимал ряд командных постов в Чехословацком корпусе. Эмигрировав в Чехословакию, принял гражданство приютившей его страны и был назначен командующим краевым военным округом с местом пребывания в Брно. С началом немецкой оккупации генерал Войцеховский уходит в отставку и становится одним из создателей чешского Сопротивления «Защита нации». Он не исполнял здесь командных функций, ибо Гестапо все время держало его под пристальным наблюдением. 12 мая 1945 года С. Н. Войцеховский был задержан вначале по ошибке органами полиции Чехословакии, потом отпущен, но в тот же вечер арестован уже органами СМЕРШ. И осужден советским Трибуналом на 10 лет содержания в ГУЛАГе. Вот что пишет о нем Николай Андреев: «Позднее мне передавали\...\), что он очень достойно вел себя там, своим поведением подавая пример силы воли, спокойствия, мужества и выдержки. Слухи подтверждали мое впечатление об этом человеке небольшого роста с пронзительными умными глазами, который видимо, был отличным военачальником и русским патриотом». С. Н. Войцеховский умер в Озерлаге (г. Тайшет Иркутской обл.) 7 апреля 1951 года.

В лагере Бауцен (подобие тюрьмы предварительного заключения СМЕРШа — на территории Германии) содержались и некоторые другие арестованные в Праге до отправки их в Советский Союз. В частности, профессор Сергей Владимирович Маракуев, до фашистской оккупации возглавлявший Русский Институт кооперации и сельского хозяйства. Он был настроен пессимистически: «... даже если нас не пошлют на смертоубийственные работы, — говорил он, — мы все равно скоро умрем от треволнений». Профессор был прав — ведь арестованные в Праге эмигранты, в большинстве

своим, были немолодыми, не очень крепкими здоровьем и уже много к тому времени пережившими людьми. С. В. Маракуев, которому шел тогда 73-й год, осужденный в июле 1945 года к 8-ми годам лишения свободы, умер в пересыльной тюрьме через месяц: по официальному сообщению — от пневмонии.

Арестован был и 80-летний князь Петр Дмитриевич Долгоруков. Судя данным Мемориала — его 5 лет содержали во Владимирской тюрьме и почему-то не освободили, как других бывших эмигрантов, по истечении срока заключения. Возможно, престарелый и больной человек был уже в таком состоянии, что его и поднять с постели (или с нар) было невозможно.

Среди арестованных и осужденных в 1945 году одним из наиболее интересных и значительных представителей пражской демократической эмиграции был литератор и издатель, один из основателей Русского зарубежного исторического архива Сергей Порфирьевич Постников, в прошлом — член Партии эсеров. Уже упоминалась его книга «Русские в Праге. 1918—1928» (Её репринтное издание вышло в Праге в 1995 г.) Самым крупным его трудом является «Библиография русской революции и гражданской войны (1917—1921)». Эта книга была издана в Праге в 1938 году под редакцией тогдашнего директора Русского зарубежного архива профессора Яна Славика. Заведующий книжно-журнальным отделом Архива С. П. Постников был главным составителем систематического каталога всей библиотеки. Судьба РЗИА — тема отдельная. Скажем только о том, что увезенный в Советский Союз в 1946 году Архив русской эмиграции на долгие годы (вплоть до 1988 или 1989-го) был исследователям недоступен.

О пребывании арестованного 30 июня 1945 года С. П. Постникова в лагере Бауцен рассказал тот же Николай Андреев: «Сергей Порфирьевич с его огромной седой гривой волос, с бородой и усами казался таким патриархальным, гораздо старше своего возраста; солдаты относились к нему хорошо, называли «папашей», ему приносили «чекистский» чай, очень крепкий и сладкий. Постников был настроен мрачно и не предвидел ничего хорошего для русских эмигрантов. «Что меня удивляет, — сказал он, — это сходство теперешних полицейских ухваток с дореволюционными. Но тогда мы хоть знали — за что сидим и на какой срок, а теперь наша судьба нам вообще неизвестна». А судьба готовила Сергею Порфирьевичу 5 лет заключения в ИТЛ (Дубровлаг МВД СССР).

В РГАЛИ (ф.562, оп. 1, д. 674) хранится письмо Постникова Виктору Шкловскому из лагеря от 22 марта 1946 года. Вероятно, надеясь на помощь известного литератора и своего давнего знакомого, он пишет: «Теперь, почти через 25 лет, волею судеб, я из Праги\...\»

переселен на Урал, в лагерь. Грехов особенных за мной нет, кроме литературно-критических статей, писанных еще в двадцатые годы\...\Срок у меня 5 лет, отсидел я 10 месяцев\...\Во время войны я был горячим патриотом, помогал нашим военнопленным и советским интернированным гражданам посылкой хлеба. Спасал русских и евреев, чему представил доказательства своему следователю. Около 20 русских эмигрантов евреев так спасли в Праге. Во время подготовки восстания в Праге я все время был в контакте с чешскими патриотами, а в дни самого восстания я и жена были на баррикадах. При полной возможности я не ушел в зону американских и английских оккупаций, т. к. не хотел ничего общего иметь с немцами, туда убежавшими. И вот в результате всего — я в лагере на 5 лет. Но я бодр и не упал духом. Надеюсь на помилование» (Цитирую по книге «Встреча с эмиграцией», Москва-Париж, 2001 г., с. 286)

Помилование не последовало. И надо думать, что В. Б. Шкловский, сам в 20-е годы недолгий и затем раскаявшийся эмигрант, вряд ли отозвался на послание своего бывшего соратника и коллеги. Отбыв полный лагерный срок, С. П. Постников по заключению врачебной комиссии был признан «стойким инвалидом» и поэтому направлен не в ссылку, а к сестре в г. Никополь, где работал швейцаром в «Чайной» с зарплатой 200 рублей, состоя под надзором органов МГБ СССР. В Прагу к жене он вернулся в 1957 году. Скончался в 1965-м. И похоронен на православном Ольшанском кладбище, где нашли последний приют многие пражские эмигранты из России.

Однако помощник С. П. Постникова в РЗИА доктор Юридических наук Николай Петрович Цветков похоронен не здесь. Почти год он готовил к отправке в СССР эмигрантский Архив, а когда закончил эту работу, то вскоре (14 июня 1946 года) тоже был арестован, увезен и осужден, и через несколько лет скончался в концлагере Иркутской области. Поэтому надпись на сером камне, что установлен его детьми на Ольшанском кладбище, чисто символическая.

И еще — о судьбах некоторых других эмигрантов-демократов, проживавших в Праге. В фашистском концлагере был уничтожен один из деятельных членов партии с.-р., а затем и ряда демократических эмигрантских организаций Борис Рабинович, который не пожелал подводить хотевших его спасти товарищей и решил разделить судьбу своего народа. Был арестован и прошел тюрьму, ГУЛАГ и ссылку П. Д. Климушкин, уцелевший в гражданской войне эсер, бывший член КОМУЧа. После освобождения, до разрешения вернуться к семье в Чехословакию он, немолодой и больной человек, живя в Саратове, вынужден был работать рассыльным в какой-то конторе.

О горькой участи бессменного руководителя Пражского Земгора Ивана Михайловича Брушвита выразительно свидетельствуют документы Архивов ФСБ и Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, а также изданные в Праге «Воспоминания» тоже репрессированного в 1945-м году юриста Семена Николаевича Николаева — талантливого сына чувашского народа, избравшего его в 1917 году членом Учредительного собрания. Недавно историку из Чебоксар Г. А. Александрову, исключительно благодаря его беспримерной настойчивости и при помощи директора Пражской Славянской библиотеки удалось получить ксерокопию «Воспоминаний» С. Н. Николаева и издать их в журнале «Лик» (№№ 3 и 4 за 2006-й и №№ 3 и 4 за 2007 годы).

Возвращаясь к личности Ивана Михайловича Брушвита, надо сказать о том, что он был не просто замечательным человеком. Благодаря его энергии, организаторскому таланту и знанию нескольких европейских языков, а также его давним и прочным контактам с правительством Чехословакии, его бесконечной доброте и отзывчивости — российские эмигранты и их семьи в течение многих лет получали в изгнании необходимую материальную помощь, работу, образование. Пожилой и тяжело больной уже к моменту ареста И. М. Брушвит, которого из арестантского вагона в тюрьму вели под руки его товарищи по судьбе, умер через год после осуждения в больнице Владимирского централа. Почти одновременно с ним скончался от инсульта в той же тюремной больнице бывший член Трудовой Крестьянской партии Алексей Иванович Овсянников.

* * *

Да, некоторым пражским эсерам-эмигрантам П. Д. Климущкину, С. Н. Николаеву и И. П. Нестерову, осужденным Особым совещанием НКВД в один день с И. М. Брушвитом и А. И. Овсянниковым — 24 сентября 1945 года (и по тем же статьям 58 пп 4 и 11), посчастливилось, как и П. С. Постникову, после тюрьмы и ссылки вернуться в Чехословакию. Но такая удача выпала немногим. В объемистом списке, составленном Пражским Обществом «Они были первыми» (организованном детьми и внуками арестованных эмигрантов) и посланным в наши «компетентные органы», против каждой пятой фамилии стоит — «nevratil se», то есть — «не вернулся» или, вообще, не имеется никаких данных.

Трудно объяснить — по какой причине Архив ФСБ скрывает необходимую родственникам и Обществу информацию. Руки, что ли, не доходят разыскать и ответить?! Ведь все, о ком здесь рассказано, были реабилитированы еще в 1991—1992 годах.

Мы как-то забываем о том, что уходя от нас и превращаясь в Историю, прошлое становится беззащитным, особенно если уничтожают людей, в те времена живших.

И все-таки память о них жива. Ее бережно хранят те, что могли бы быть полноправными гражданами России — дети и внуки эмигрантов. Ежегодно 12 мая они собираются на Ольшанском кладбище в Праге у православного храма, где на стене висит мемориальная доска с надписью на русском и на чешском языках, поминают умерших и невинно погибших. В храме проходит молебен, позже звучит еще одна поминальная молитва — в подвальной церкви бывшего «Профессорского дома» в районе Дейвице. Здесь тоже — мемориальная доска на стене, ибо отсюда тоже увозили в ГУЛАГ и на погибель российских интеллигентов, которые могли бы стать гордостью так бесчеловечно отринувшей их страны... Возможно, что будь они с нами, мы жили бы сейчас в несколько ином, более развитом и цивилизованном государстве.

Опубликовано в журнале «Нева» № 10, 2006 г., с. 139–151

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР. ПОСЛЕДНИЕ ИЛЛЮЗИИ

В ночь на 16 июня 1922 года в Париже было совершено преступление, крайне взволновавшее эсеров-эмигрантов. Госпожа Барская, технический секретарь редакции либеральной газеты «Pour la Russi» (дом 9-бис по рю де Вине; там же жил А. Ф. Керенский, уехавший накануне) пришла, как обычно, раньше всех. Не застав на месте консьержа Валентина Коротенко, она в тревоге разбудила Владимира Осиповича Фабриканта, который ночевал в доме.

В тайнике редакционной комнаты не нашли ключей от шкафа, где хранился архив Внепартийного объединения и его Административного центра. Чтобы вскрыть шкаф, вызвали слесаря. Взорам предстала удручающая картина: архив исчез — вместе с призванным охранять его Коротенко. Пропало 14 классеров и несколько толстых папок, общим весом свыше двадцати килограммов. С какой целью совершена кража? Где искать вора? Действовать надо было без промедления, ибо похищенные письма и документы, даже утратив свою злободневность, имели важное политическое значение.

Вызвали полицию, которая, установив факт пропажи, произвела обыск в комнате Коротенко. Нашли пустые папки от архивных дел; в мусорной корзине — брошенная впопыхах смятая записная книжка и изорванные письма. Заявление бывших членов Административного центра *Е. Ф. Роговского* и *В. О. Фабриканта* в Сюрте Женераль и в префектуру Парижа было подано в то же утро. [1]

Однако французская полиция особого рвения не проявила. Эка невидаль — эти бесконечные распри в среде русских эмигрантов, словно все еще продолжавших свою гражданскую войну. К тому же украденный архив содержал старые документы организации, которая еще осенью минувшего года прекратила свое существование. Куда торопиться? И полицейский агент мсье Незонде не торопился. Только 27 июня, то есть через 11 дней, он допросил студента-медика Молчанова, на адрес которого, судя по найденной записной книжке, поступала корреспонденция для сбежавшего консьержа. Студент

назвал частого гостя Коротенко — молодого человека с моноклем, своего соседа. Это был Николай Котельников, секретарь М. А. Маклаковой, сестры бывшего русского посла. Узнав от Молчанова о вызове на допрос, Котельников в тот же вечер скрылся, при этом похитив у госпожи Маклаковой 810 франков, которые были предназначены на благотворительность.

Дело, вероятно, зашло бы в тупик, если бы 6 июля в дом, где произошла кража, не явился взволнованный ученик русской гимназии в Париже Сергей Сахаров. До последнего времени он жил в одной комнате с Котельниковым и пользовался его доверием: выполнял поручения и даже провожал на вокзал, передав беглецу 150 тыс. немецких марок. Узнав из газет об его участии в похищении документов и о том, что из-за этого в Москве уже арестовывают людей, юноша не пожелал быть замешанным в скверной истории. «Я монархист, как и Котельников, и поэтому помогал ему, — сказал он. — Но перед отъездом Котельников дал мне понять, что поступает на службу к большевикам в качестве агента...» [2]

Допрошенный в полиции, Сахаров назвал и других вероятных участников кражи — И. М. Сицинского и его жену. Затем в ходе следствия всплыло имя некоего Косоротова, члена советской делегации, приехавшей на переговоры о признании советского государства.

Сведения гимназиста подтвердила и Маклакова. Это в ее убежище для эмигрантов в доме 21 на рю Брошан жили Молчанов, Котельников и Сахаров. Она назвала организатором кражи известного монархиста Н. П. Горсткина и еще сына генерала Зандера — Николая. Выяснилось, что план похищения документов для передачи их большевикам был одобрен генералом П. А. Половцевым. Как рассказала Маклакова, «Половцев и Горсткин неоднократно в кругу своих друзей выражали удовлетворение успехом этого дела, причем Горсткин указывал, что он знал истинную цель кражи», то есть передачу документов большевикам. [3]

Эти факты 12 июля пострадавшие изложили в жалобе прокурору на нерадивость и упущения полиции. В результате дело перешло к судебному следователю Варрену и помощнику комиссара полиции Фаралику. Зандер, Горсткин и Косоротов были арестованы. Впрочем, двух последних вскоре освободили, но арестовали некоего Петрова, который прибыл в Париж из Берлина с фальшивым итальянским паспортом. 2-е бюро французского Военного министерства давно вело наблюдение за этим господином, считая его советским агентом.

По странному стечению обстоятельств через две недели после кражи архива, во время пирушки в квартире этого самого «Петрова», внезапно умер брат полковника Горсткина — А. П. Горсткин,

про которого стало известно, что еще в марте он предлагал одной француженке 60 тысяч франков за похищение каких-то документов, но та отказалась. Таинственная смерть Горсткина никак не комментировалась, а от вскрытия тела родственники покойного отказались. Казалось бы, события — более чем подозрительные, однако следствие никак между собой их связывать не стало.

Почему же из Парижа в Прагу, в Берлин и обратно летят тревожные письма и телеграммы, а бывшие члены Административного центра срываются с мест и мчатся по следам преступников? Отчего так настойчиво торопят следствие эсеры-эмигранты и, не дождавшись результатов, ведут собственное расследование? В обращении к Варрену секретарь переставшего существовать Объединения Роговский прямо указал на тех, кого подозревали в похищении архива: «Кража была произведена организацией «*monarchistes militantes russes*» [Русские воинствующие монархисты] для передачи или продажи большевистским агентам». Такое весьма странное содружество объясняется их «солидарностью в ненависти к российской демократии и к ее деятельности, одинаково далекой как от коммунистической диктатуры, так и от попыток реставрации самодержавия в России». [4]

Подоплеку кражи раскрывало опубликованное рядом газет письмо одного из лидеров правых эсеров Н.Д. Авксеньева (оригинал письма сохранился в архиве): «*“Юманите” от 9 июля сообщает о представлении советским прокурором Крыленко на суде социалистов-революционеров в Москве ряда документов, полученных из-за границы, относящихся к деятельности Административного центра и якобы изобличающих партию с.-р. в сношениях с повстанцами в России и с правительствами иностранных держав.*

По этому поводу считаем нужным заявить, что из архива Административного центра, стоявшего во главе Внепартийного заграничного объединения, недавно были похищены членами монархической группы и переданы большевикам некоторые документы административного и информационного характера, лишенные актуального значения. Это, прекратившее свою деятельность еще в 1921 г., внепартийное объединение не было связано с какой-либо партией, не имело в своем составе партийного представительства, а состояло из ряда лиц, принадлежавших к разным демократическим течениям. Объединение ставило своей задачей способствовать восстановлению демократического строя в России путем организации западноевропейского общественного мнения и содействия борьбе демократии в России. Вместе с тем оно боролось против всяких попыток интервенции.

Агенты большевиков, работающие в тесном сотрудничестве с монархическими организациями и вместе с ними принимавшие участие

в похищении документов, пытаются ныне использовать эту кражу, открывающую самую широкую возможность фальсификации для представления на суде документов, не поддающихся проверке, с целью подкрепить явно несостоятельное обвинение против более двух лет находящихся в заключении членов ПСР. Большевики при этом пытаются отождествить внепартийное заграничное объединение с работающей в России партией с.-р.

Из вышесказанного совершенно очевидно, что Административный центр представлял организацию в такой же мере не зависевшую от партии, в какой партия была независима от нее. Вследствие чего привлеченные к Рев. трибуналу в Москве члены Партии социалистов-революционеров ни в какой мере не могут почитаться ответственными за деятельность заграничного внепартийного объединения.

По поручению бывшего Административного центра Внепартийного объединения Н. Авксентьев». [5]

Таким образом, острая реакция эсеров-эмигрантов на совершенное преступление объяснялась их стремлением спасти товарищей — обвиняемых на судебном процессе, который проходил в Москве. Процесс этот, при искусственно создаваемом «бурном возмущении народа», при явном искажении фактов, грубых натяжках, фальсификации и откровенной лжи, приобретал все более угрожающий характер. В эти же дни в типографии ГПУ была десяти тысячным тиражом в срочном порядке издана брошюра «Работа эсеров за границей», основанная именно на похищенных документах. При этом сам факт пропажи архива стыдливо именовался в тексте «злым роком» б) Не раскрывать же, в самом деле, позорный сговор с монархистами!

Нельзя не упомянуть о разнузданном (только что не матерном) языке, которым данное «произведение» написано. Стиль изложения вполне соответствовал тем уличным лозунгам, которыми размахивали демонстранты под окнами суда, и оскорбительным, даже хулиганским выкрикам публики, специально приглашенной в зал судебного заседания, что безусловно являлось нарушением любых юридических правил. Это было отмечено и осуждено защитниками обвиняемых, в том числе и зарубежными, которые затем по согласованию со своими подзащитными покинули процесс.

Для вящей убедительности обвинений, выдвинутых на основании показаний провокаторов Г. Семенова и Л. Коноплевой и прочих таких же «свидетелей» имеются в брошюре даже фотокопии писем и других попавших в руки следствия документов. Кража парижского архива была предпринята именно с целью подкрепить эти обвинения. Но «подкрепить» не получилось: подсудимые, находившиеся в заключении с 1920 г., никак не могли иметь отношения к созданной

спустя почти год за рубежом внепартийной организации. Как заметил голландский историк Марк Янсен, «Даже сам Трибунал не считал доказанной связь между обвиняемыми и Административным центром. Конечно, он упомянул деятельность Административного центра в приговоре, но не указывая на то, что за нее несли ответственность обвиняемые». [7]

Не потому ли большевистские заказчики оставили тех, кто совершил для них кражу архива, без обещанного ранее солидного вознаграждения? Об этом свидетельствует письмо Л. М. Герценштейна — одного из членов бывшего Административного центра. 19 июля 1922 г. он писал из Парижа В. М. Зензинову: «Что касается С. (речь идет о вышеупомянутом и, возможно, самом активном участнике кражи — И. М. Сицинском. — *Е. Ф.*), то, будучи освобожден после ареста, он считает себя ныне в полной безопасности и открыто пребывает на месте своей прежней службы (рабочий на фабрике). Точно известно, что у него совершенно нет денег... Вообще, похоже, что “купцы” их надули. Купили товар, дали немного денег, а получив документы на руки, потеряли всякий интерес к продавцам». [8]

Об этом же пишет в своих отчаянных посланиях (вероятно, Сицинскому или Горсткину) из Берлина главный фигурант преступления Валентин Коротенко, называя при этом и соучастников и заказчиков: «При отсутствии инструкций ГН.П. (то есть Н. П. Горсткина. — *Е. Ф.*) и его старших я не могу служить друзьям («друзьями», по мнению членов бывш. Административного центра, Коротенко называл большевиков, — *Е. Ф.*), прежде всего вследствие моих убеждений... Если ГН.П. придет сюда и если я снова увижу его, я снова примусь за работу, и будут деньги. Здесь же я получил очень мало... В противном случае я принужден буду покончить с этим миром, так как я не могу служить своим без всего...» [9] Письмо это было найдено при обыске у арестованного Н. Зандера.

В другом послании (судя по почерку, это письмо Сицинского для передачи Коротенко) есть упоминание о том, что «из Москвы получился неважный отзыв». Здесь же содержатся инструкции, как себя вести в случае изобличения и советы: заручиться рекомендательными письмами от «Ник. Павл. к здешним большим людям. Будьте осторожны, особенно вы и даже с друзьями. Ничего не говорите лишнего... Мне известно, что эсеры сделали заявления, где только можно. Хотя эти “отбросы” и разбиты, но надо их губить до конца». [10]

Облик участников кражи архива и передачи его в Москву был типичен для некоторой части эмигрантской среды.

Валентин Петрович Коротенко, имевший несколько фамилий, приехал из Туниса, куда попал с остатками бежавшей из Крыма армии

Врангеля. В Париже пришел за помощью к своему бывшему товарищу по Киевскому университету А. А. Лихошестову, который ведал отделом труда в парижском Земгоре. Просил посодействовать получению визы в Чехословакию, чтобы там завершить образование. А до получения визы Лихошестов устроил его с 14 апреля 1922 г. на два месяца сторожем-консьержем в дом 9-бис по рю де Винеz. До этого Коротенко жил под фамилией «Ольтимор» в гостинице по адресу 52 рю Гей-Люссак. С ним вместе жил ротмистр Николай Панютин, который 12 июня 1922 г., похитив 12 тыс. франков в том учреждении, где работал, благополучно скрылся. Из писем, найденных в комнате Коротенко, выяснилось, что в Харькове у него осталась нежно любимая жена, которой он обещал в скором времени вернуться в Россию. Возможно, именно это обстоятельство, вместе с надеждой получить большие деньги, подтолкнуло его предложить свои услуги монархистам.

Николай Николаевич Котельников — монархист, служил в Добровольческой армии. В Париже стал секретарем у М. А. Маклаковой и до своего бегства жил в приюте на 21 рю Брошан. С ним одно время «неразлучно был» тот самый, укравший 12 тыс. франков ротмистр Панютин, с которым тесно связан и Коротенко. Кроме того, Котельников был замечен в сношениях с большевистским агентом «Петровым», арестованным в Париже за проживание по фальшивому итальянскому паспорту.

Капитан Иван Михайлович Сицинский — наиболее темная личность. В Париже один из офицеров узнал в нем комиссара, который в 1918 г. в Москве был причастен «к арестам и занимал настолько крупное положение, что выпускал заключенных за взятки из тюрем». Затем служил в Добровольческой армии, с которой и попал в Париж. Он жил по румынскому паспорту, причем имел «сертификаты» о том, что является представителем атамана Г. Семенова, и другие. Кроме того, Сицинский, по-видимому, состоял в сношениях с начальником английской разведки в Кельне. Жена Сицинского Валентина Васильевна, также с румынским паспортом, была в прошлом состоятельной женщиной, вывезла с собой за границу много драгоценностей. Она бежала из Парижа вместе с мужем, но вернулась ли с ним вместе — неизвестно. По некоторым данным, у Сицинского в одном из банков Ниццы имелся солидный текущий счет.

Николай Яковлевич Зандер — сын монархиста генерал-майора Зандера. В 1920 г. в Териоках был выпущен из лагеря, где содержались успевшие уйти за рубеж части Северной армии белых. По профессии — электротехник, в России преподавал математику матросам на воздухоплавательных курсах в Красном Селе. Его участие в преступлении выразилось в роли связного — между прямыми участниками